

©

Цветов А.П.

РСМД

©

Цветов П.Ю.

*Управление международных связей
Совета Федерации*

ВЕРОЯТНОСТЬ ВОЙНЫ за ОСТРОВА в ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ: ФАКТОРЫ «ЗА» и «ПРОТИВ»*

В практическом отношении одним из основных вопросов, который возникает при изучении проблематики ЮКМ, является вопрос о вероятности крупного вооруженного конфликта. Мы постарались уйти от симпатий к какой-либо одной из стран региона и прибегнуть к объективному анализу.

Наиболее общим фактором, **способствующим возникновению конфликта в ЮКМ**, является экстенсивное экономическое развитие стран региона и параллельный рост их внешнеполитических амбиций. Многие государства региона все еще находятся на индустриальной стадии развития, когда для продолжения экономического роста необходимы новые ресурсы – природные и географические. Учитывая значимость ресурсов ЮКМ для таких стран, как Китай, Вьетнам и Филиппины, такая нужда является ключевым фактором, заставляющим их стремиться к установлению контроля над акваторией ЮКМ или ее части.

Как показали американские ученые Чарльз Боемер и Дэвид Собек, использовавшие математические методы, до перехода к постиндустриальному обществу склонность к участию в конфликте увеличивается по мере роста экономических возможностей государства проводить крупные военные операции. После перехода к постиндустриальному обществу такая возможность сохраняется, но нежелание, невыгодность вступить в конфликт часто перевешивает. Для постиндустриальной экономики территории и природные ресурсы перестают играть

*Доклад, представленный на Международной конференции Института востоковедения РАН по вопросам сотрудничества и безопасности в Южно-Китайском море, 18 октября 2013 г.

столь серьезную роль, происходит сдвиг в пользу человеческого капитала, который сильно страдает в условиях войны. То есть, для экономики, основанной не на промышленном, а на финансовом капитале и сфере услуг, издержки военного конфликта сильно перевешивают гипотетическую выгоду.

Но применительно к ЮКМ две наиболее активные державы – КНР и Вьетнам как раз очень сильно зависят именно от промышленного производства, а для меньшей вьетнамской экономики относительная выгода от использования ресурсов ЮКМ будет особенно значима. Кроме того, в морском конфликте потери среди мирного населения на начальном этапе будут минимальными, как и урон промышленной инфраструктуре, поэтому, возможно, эти страны будут более склонны провоцировать инциденты на море. Таким образом, можно говорить о том, что эти факторы работают в пользу военного развития ситуации.

Не менее важным фактором, способствующим возникновению конфликта, является мирополитическая подоплека происходящего. Необходимо сознавать, что каждая из стран решает внешнеполитические задачи, выходящие за рамки банальной борьбы за ресурсы. Особенно этот момент актуален для КНР и США. Китай через ЮКМ обеспечивает собственную безопасность и закрепляет за собой историческую сферу интереса, а также пытается уравнять степень политического влияния с экономическим развитием. Для Соединенных Штатов политика в ЮКМ является частью глобальной стратегии, центральным элементом которой является сохранение мирового лидерства, в том числе и в динамично развивающемся АТР. Для малых стран региона, не вышедших пока на глобальный политический уровень, успешное для себя разрешение территориальных споров и отстаивание своих интересов в этой акватории зачастую является важнейшей задачей внешней политики, так как способно определить их место в новой архитектуре международных отношений в регионе. Освободившиеся после Второй мировой войны от колониальной и полуколониальной зависимости страны региона пока еще нуждаются в фактическом закреплении своей идентичности, особенно ревниво относятся ко всяким посягательствам на их национальный суверенитет.

Трудно представить национального лидера какой-либо страны, который согласится с притязаниями на его территорию. Поэтому для каждого из игроков политическое противостояние в ЮКМ является и важной повесткой дня внутренней политики, причем как для демократических государств, так и для авторитарных. Националистические настроения в таких странах, как КНР, Вьетнам и Филиппины подталкивают элиты к более жестким действиям по отношению к другим сторонам в территориальных спорах. При этом считается, что авторитарные режимы (а к таким относят многие страны АТР) более склонны к инициированию конфликта, так как они могут позволить себе проиграть войну¹ и не учитывать интересы экономических элит².

Ещё одним фактором, подталкивающим стороны к конфликту, является уже ставшая объективной реальностью гонка вооружений. Гонка вооружений становится экономических выгодной для многочисленных экспортеров вооружения, что подогревает эту опасную тенденцию. Перспектив замедления этой гонки пока не наблюдается – большинство стран региона имеет долгосрочные контракты на поставку вооружения и военной техники, равно как и далеко идущие стратегии наращивания оборонного потенциала.

В то же время, можно выделить и **ряд факторов**, ослабляющих действие вышеописанных или вовсе имеющих противоположное влияние, то есть **способствующих стабилизации обстановки в регионе**.

Первым и самым главным является трудно оспариваемый тезис о том, что ни одна из сторон не может быть заинтересована в крупном вооруженном конфликте в регионе. В настоящее время войны ведутся не с целью одержать полную победу в классическом военном понимании – с уничтожением противника и оккупацией его территории. Военные операции проводятся лишь в том случае, если ожидаемая выгода будет больше ожидаемых издержек. Безусловно, эта парадигма может игнорироваться на сильном эмоциональном фоне, однако вряд ли это относится к данному региону – страны конфуцианского ареала известны прагматичностью своих политических акций. Военный конфликт будет иметь крайне негативные последст-

вия для региональной стабильности еще и в том плане, что могут разгореться другие тлеющие конфликты внутри государств ЮВА и в Северо-Восточной Азии.

Еще более широкий круг международных акторов заинтересован в сохранении стабильности по экономическим причинам. Особенно это касается экономической взаимозависимости между КНР, США и странами ЮВА. Трудно не согласиться с утверждением ряда ученых, что взаимосвязанность экономик чаще всего удерживает стороны от военного столкновения³. Такое влияние еще сильнее, если в этих экономиках велика доля внешней торговли в ВВП, что верно для большинства стран региона. Принимая во внимание уже упоминавшийся тезис о том, что такая взаимосвязь «работает» лучше, если в странах развиты демократические институты, следует сделать одну поправку для учета региональной специфики. В демократическом государстве военный конфликт будет не выгоден экономическим элитам, которые благодаря инструментам общественного влияния на власть могут оказывать воздействие на внешнюю политику руководства страны, поэтому предполагается, что авторитарный режим может проигнорировать чаяния бизнес-кругов. Однако в таких странах, как КНР и Вьетнам имеет место фактическое сращивание партийной, то есть политической, и экономической элит, поэтому внешнеполитические решения принимаются лицами, близкими к крупному бизнесу. Более того, авторитет коммунистических партий этих стран в значительной степени держится как раз на способности удерживать темпы экономического роста на высоком уровне, поэтому для этих стран экономические издержки военного конфликта будут играть колоссальную роль, особенно с учетом важности нынешнего этапа развития.

Репутационные издержки от конфликта также будут огромными для каждой из сторон. Неудача в мирном разрешении территориальных споров приведет к краху имиджа США как балансира, КНР как «мирного гегемона» и АСЕАН как основного регионального формата урегулирования.

Важно также учитывать и особенности восточной политической культуры. Профессор Университета Южной Калифорнии Дэвид Канг считает, что модель взаимодействия стран

Восточной Азии сильно отличается от той, что существует на Западе. По его мнению, в отличие от формального равенства западных стран, основанного на принципах Вестфальского мира, на Востоке страны формально неравны и существует некая система соподчинения во главе с Китаем. Однако на практике лидеры общаются друг с другом на равных, а КНР играет роль регулятора и стабилизатора в этих отношениях⁴.

Культурный фактор, что немаловажно, оказывает еще и важное психологическое воздействие. Особенности восточного образа мышления, в отличие от западного, заключаются в том, что ничего однозначного нет. Любое явление для индивида, принадлежащего конфуцианской культуре, имеет и положительные и отрицательные стороны, Ян и Инь, которые проявляются по-разному в разное время⁵.

На страницах журнала «Foreign Policy» Эван Фейгенбаум и Роберт Мэннинг выражают удивление тому, как сосуществуют «две Азии» – та, где идет активная экономическая интеграция, и та, где усиливается напряженность в области безопасности⁶. С западной точки зрения политические разногласия должны омрачать и экономическое сотрудничество. Однако восточный образ мышления позволяет не увязывать эти две сферы, тем самым параллельно с негативом в отношениях создавая и позитивные связи. Это пример восточного прагматизма, того же, который позволяет Вьетнаму сближаться с США, несмотря на сложнейшую, омраченную войной историю двусторонних отношений.

Географическая специфика, подразумевающая определяющую роль военно-морских сил в случае военного столкновения, помимо негативного, имеет и сдерживающее влияние. По сравнению с наземным или воздушным боем морские сражения идут достаточно медленно, так как скорость передвижения судов относительно невелика. Кроме того, корабли не способны оккупировать большие территории, а сложность и высокая стоимость их постройки и эксплуатации определяет их небольшое количество. Некоторые эксперты считают, что в силу этих причин в случае возникновения кризиса у дипломатов конфликтующих сторон, да и мирового сообщества в целом бу-

дет значительно больше времени, чтобы предотвратить полномасштабное военное столкновение⁷.

Гонка вооружений в регионе, которая внешне вызывает такое беспокойство, также имеет неоднозначное воздействие на вероятность конфликта. Во-первых, опыт самой крупной гонки вооружений (во время «холодной войны») подсказывает, что перерастания в вооруженное столкновения не произошло именно потому, что потенциальный ущерб от такого столкновения был бы столь велик, что свел бы к минимуму всякий выигрыш от победы. Во-вторых, не вдаваясь в политическую теорию, можно коротко обозначить тезис о том, что сам факт наличия гонки вооружений не предвещает конфликта. Беспокоиться следует тогда, когда государства начинают в своих военных расходах выходить за рамки доступного им объема. То есть когда для производства вооружения требуется сокращать социальные расходы и инвестиции в экономику. Рост военных расходов стран ЮВА в абсолютных показателях определяется самим ростом их экономик, а также обновлением устаревших образцов военной техники. Безусловно, новые экономики хотят иметь возможность защитить достижения народного хозяйства, но не в ущерб самому хозяйству. А если рассмотреть график изменения средней доли военных расходов от ВВП за последние 10-15 лет, то мы увидим практически ровную линию, даже немного наклоненную вниз.

И о самом обсуждаемом противостоянии – Вьетнама и Китая. В частных беседах многие вьетнамцы говорят о скрытой агрессии Китая, приводя в примеры факты строительства постоянных поселений на отдельных островах и т.п. Но не будем забывать о таком существенном моменте: у власти и в Китае, и во Вьетнаме стоят коммунисты, у них очень обширное поле совпадения интересов, общая партийно-идеологическая принадлежность для них весьма важна, чтобы жертвовать ею ради каких-то островов. Факт войны между коммунистами может нанести больший имиджевый урон каждому из них, чем сомнительные выгоды от победы в войне за острова в океане. Поэтому, представляется, что крупномасштабный вооруженный конфликт между Вьетнамом и Китаем, если и произойдет, то будет далеко не первым в ЮКМ.

О том, что эти факторы «за» и «против» будут действовать, можно с уверенностью говорить только в перспективе ближайших лет двадцати-тридцати. Некоторые футурологи (см. Джордж Фридман. Следующие 100 лет) прогнозируют распад Китая в середине XXI в. на отдельные регионы. Если такое случится, то развитие событий в ЮКМ может пойти по другому сценарию.

¹ В пример часто приводится Саддам Хусейн, который смог остаться у власти после войны в Персидском заливе («Буря в пустыне»), в то время как даже не очень удачно выигранная война в демократических государствах обычно приводит к отставке лидера.

² Gartzke, Erik. The Classical Liberals Were Just Lucky: A Few Thoughts about Interdependence and Peace // Economic Interdependence and International Conflict: New Perspectives on an Enduring Debate. P. 96-110

³ ONeal, John; Russett, Bruce; Berbaum, Michael. Causes of Peace: Democracy, Interdependence, and International Organizations, 1885-1992 // International Studies Quarterly. 2003. Vol. 47. P. 371-393

⁴ Kang, David. Hierarchy and Stability in Asian International Relations // International Relations Theory and the Asia-Pacific. P. 163-190

⁵ См. например: Nisbett, Richard. The Geography of Thought: How Asians and Westerners Think Differently... And Why. Free Press, 2003

⁶ Feigenbaum, Evan and Manning, Robert. A Tale of Two Asias // Foreign Policy, 31 October 2012 - http://www.foreignpolicy.com/articles/2012/10/30/a_tale_of_two_asias

⁷ Kaplan Robert. The South China Sea Is the Future of Conflict//Foreign Policy, September-October 2011 - http://www.foreignpolicy.com/articles/2011/08/15/the_south_china_sea_is_the_future_of_conflict